

К.М. СТАНЮКОВИЧ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

«Морские рассказы»

Константин Станюкович

Исайка

«Public Domain»

1894

Станюкович К. М.

Исайка / К. М. Станюкович — «Public Domain»,
1894 — («Морские рассказы»)

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Константин Михайлович Станюкович

Исайка

I

Не только господа офицеры и баковая аристократия, но и все матросы звали этого щедрого на вид, маленького, бледнолицего человека с типичным еврейским крючковатым носом, тонкими губами и серьезным и в то же время несколько пугливым взглядом больших, необыкновенно кротких черных глаз – не по фамилии, как обыкновенно водится, а уменьшительным именем Исайки. Другой клички ему не было, хотя Исайке уже минуло сорок и он был старым матросом, отслужившим шестнадцать лет, из обязательных в прежние времена двадцати пяти лет, в звании корабельного парусника, то есть мастерового, шившего и чинившего паруса.

Исайка давно привык к этой кличке. Он получил ее вслед за тем, как, бледный как смерть, тонкий, как спичка, в засаленном, рваном лапсердаке и в пейсах, явился, в числе других, в рекрутское присутствие, заседавшее в одном из городов Северо-Западного края, и, несмотря на свою узкую грудь и малый рост, на которые он так надеялся, услышал роковое: «Лоб». Как ни рыдала мать и как ни кланялся в ноги военному доктору отец, Исайку «забрили». Забрили и почему-то назначили во флот (вероятно, вследствие малого роста) и вскоре отправили с партией в Кронштадт. Во флотском экипаже, куда попал Исайка, его с первого же дня стали называть не по фамилии, а Исайкой.

Так с тех пор он и остался на всю жизнь Исайкой.

«Не в кличке дело, а в том, чтобы на службе не били и не наказывали линьками и розгами!» – рассуждал про себя Исайка и нисколько не обижался, что его зовут не так, как русских, тем более что отношение к нему матросов было превосходное и не лишенное даже некоторой почтительности. Решительно все, не исключая боцманов и унтер-офицеров, уважали Исайку, как вполне «правильного» человека, честного, тихого и усердного работягу в своем деле, и притом «башковатого» и с «большим понятием», умевшего, при случае, объяснить то, чего никто другой на корабле не мог. А Исайка, по словам матросов, «все мог». И говорил он так убедительно и красноречиво, что его с удовольствием слушали, несмотря на еврейский акцент. Исайка, поступив на службу, сам выучился грамоте и читал не одни еврейские книги, а и русские. Он любил «заняться книжкой», что в те времена было редкостью среди матросов, в огромном большинстве безграмотных, и охотно беседовал о прочитанном.

Это-то и давало ему авторитет «ученого» человека, которым он умело пользовался.

Репутация Исайки давно установилась в экипаже, в котором он служил со дня поступления в матросы, и ни одно пятно не омрачило этой заслуженной репутации.

Правда, некоторые из матросов находили, что хотя Исайка и хороший человек, но все-таки «жид» и как-никак, а до известной степени виноват в том, что Иуда предал Спасителя за тридцать серебряников и что предки Исайки, хотя и отдаленные, распяли Христа. Однако личные качества Исайки, не способного обидеть даже мухи, а не то что предать или распять кого-нибудь, в значительной мере смягчали виновность его за распятие Христа даже в глазах нескольких отчаянных юдофобов, среди которых особенно отличался категоричностью мнений рыжий и толстый писарь из кантонистов, Авдеев, рассказывавший про евреев самые невозможные вещи. Но и он в конце концов принужден был согласиться, что Исайка совсем не похож на «поганого жида» и не решится на «ихние подлые проделки». Убедило его главным образом то, что Исайка не жаден к деньгам. Последнее обстоятельство было хорошо известно Авдееву, который года три не отдавал занятых им у Исайки трех рублей, пользуясь его деликатностью.

И писарь высказывал иногда сожаление, что Исайка не выкрестится.

– Тогда вполне был бы форменным человеком! – прибавлял он.

Говорили об этом Исайке раньше и другие лица.

Отец Спиридоний, басистый иеромонах с Валаамского монастыря ¹, бывший на корабле несколько кампаний священником, которому Исайка не раз вычищал и совсем заново вычинивал рясу, после того как отец Спиридоний бывал на берегу, – завел однажды речь об этом щекотливом предмете.

– Очень уж ты, Исайка, добросердный и некорыстный человек, – говорил своим густым, несколько осипшим после «берега» басом отец Спиридоний, принимая от Исайки рясу... – Вот, например, чинишь ты служителю божию и совсем чужой тебе веры и никакой мзды за сие не требуешь... Разве это не показывает в тебе, Исайка, истинно христианской добродетели?... Другой вот и православный, а возьмет с попа гривенник, а ты жид, лишен благодати божией, а не берешь, – продолжал иеромонах, весьма довольный, что Исайка никогда не заикался о каком-нибудь вознаграждении за работу. – И знаю, что и впредь, ежели придется прибегнуть к твоей услуге, не откажешь. Не так ли, Исайка?

Исайка отвечал, что он всегда с удовольствием, если что починить.

– То-то и есть... Я и говорю, что в тебе душа христианская, даром что вера твоя, прямо ежели сказать, поганая. Уж ты не сердись за правду, Исайка, а все полагают, что поганая! – настаивал отец Спиридоний, и при этом его полное, слегка опухшее лицо добродушно и весело улыбалось.

Исайка не возражал. Но, видимо, не желая продолжать разговора в этом щекотливом направлении, осторожно и почтительно спросил:

– Так вам ничего больше не потребуется, батюшка?

– Нет, ты, Исайка, постой. Я имею тебе сказать нечто.

– Извольте сказывать, а я буду слушать, – деликатно отвечал Исайка, склонив чуть-чуть набок свою курчавившуюся голову.

– Знаешь что, Исайка? Брось ты свою жидовскую веру... ну ее. Восприими-ка, братец, благодать божию и приобщись к лону чад православных. Главное – жалко мне тебя, Исайка... очень уж ты добронравный человек, а между тем душа твоя пропадает. Верь слову: пропадает! Жидам на том свете ты думаешь где место? В геенне огненной, в печи, значит. А что им предназначено? Как ты полагаешь?

– Вам лучше знать, – дипломатически молвил Исайка.

– Уголья глотать! – категорически объяснил отец Спиридоний и прибавил: – Перекрестись лучше...

– Что делать! Если уж милосердный бог такой на жида сердитый, как вы говорите, что велит горячий уголь глотать, я буду и уголь глотать, коли его на всех жидов хватит, а веры не перемену. В своей вере родился, в ней и помру, батюшка, – отвечал Исайка.

И, повертев в руках шапку, снова спросил:

– Так я, с вашего позволения, уйду, ежели вам больше ничего не требуется?

– Глупый ты человек, Исайка, ежели не хочешь души спасти.

– Видно, и есть глупый, – согласился Исайка, и по его лицу скользнула тонкая, едва заметная улыбка. – А может, еще что починить требуется?

– Спасибо, Исайка. Пока все в аккурате... Вижу: глух ты к истине. А ты о моих словах подумай.

¹ В те отдаленные времена, в начале тридцатых годов, на суда флота назначались малообразованные, нигде не окончившие курса монахи для исполнения треб. Впоследствии выбор делался более тщательно. (Примеч. автора.)

– Зачем не подумать? О всяком слове надо подумать – на то всякому человеку бог рассудок дал. И жиды не обидел! – прибавил с едва слышной иронической ноткой Исайка и шмыгнул из каюты.

«Не внемлет!» – подумал, вздохнув, отец Спиридоний.

И, полюбовавшись отлично починенной люстриновой ряской, пожалел, что такому доброму жиду, как Исайка, во всяком случае придется плохо на том свете.

II

Была и другая, более серьезная, попытка на Исайкину душу со стороны одной пожилой адмиральши в Кронштадте, которая на склоне лет, после веселой жизни, имевшей мало общего с ее позднейшими взглядами на женскую добродетель и супружеский долг, расточала еще обильный запас чувства уж не на земные, а на духовные победы.

Исайка шил адмиральше ботинки (он был искусный башмачник и шил с «фасоном»), получая за работу «что пожалуют». Пользуясь тем, что Исайка казенный человек и прислан был к ней подначальным мужу экипажным командиром, адмиральша «жаловала» бессовестно мало, но за то не прочь была спасти душу Исайки, обратив его на путь истины.

И вот однажды, вручив Исайке двугривенный за работу изящнейших ботинок с французскими каблуками и милостиво кивнув головой в ответ на: «Много благодарен, ваше превосходительство!», адмиральша сделала несколько шагов, чтобы попробовать, ловко ли сидят ботинки, и, удовлетворенная, присела затем на кресло и сказала:

– Ведь ты жид, Исайка?

– Точно так, ваше превосходительство! – отвечал Исайка, отступая к дверям.

Адмиральша вздохнула и повела речь о заблудших душах. Говорила она не без одушевления об истине и духовном возрождении, о тьме и свете, видимо наслаждаясь собственным своим красноречием, и окончила речь советом креститься, обещая Исайке, кроме спасения духовного, еще некоторые материальные блага. Она знает, что Исайка хороший и честный человек, и попросит мужа, чтобы Исайку произвели в унтер-офицеры и оставили при берегу.

Предложение было заманчивое, особенно перспектива быть постоянно на твердой земле, которую Исайка всегда считал несравненно приятнее и удобнее морской стихии.

Он так внимательно и, казалось, проникновенно, не моргнувши глазом, слушал адмиральшу, стоя на вытяжке, с руками по швам, у дверей столовой, в которой происходило это духовное назидание, что адмиральша почти не сомневалась в спасении Исайки и, благосклонно устремив на него когда-то красивые глаза и встряхнув легким движением головы пару седых буглей, украшавших поблекшие щеки, не без некоторой торжественности произнесла:

– Ты, конечно, хочешь быть христианином, Исайка? А я буду твоей крестной матерью! – прибавила она и милостиво улыбнулась.

Понимавший сам и умевший ценить тонкое обращение и вообще по натуре очень мягкий человек, Исайка призвал на помощь все свое дипломатическое искусство и всю силу своей изворотливости, чтобы не оскорбить адмиральшу и не возбудить ее неудовольствия скольконибудь непочтительным отказом от ее столь любезного предложения. Да, признаться, вдобавок и трусил, как бы не вышло для него какой-нибудь серьезной неприятности. Мало ли что вздумает начальство? При одной этой мысли у Исайки упало сердце.

И он начал с того, что несколько раз низко и усердно кланялся и благодарил, что такая превосходительная барыня удостоила обратить на недостойного Исайку свое милостивое внимание. Смел ли он ожидать такой чести?

И Исайка продолжал кланяться и благодарить в самых изысканных выражениях, какие только мог придумать, однако на вопрос адмиральши не отвечал и даже рискнул от благодарностей довольно ловко перейти к предложению сделать ее превосходительству летние башмачки самого последнего заграничного фасона, какие привезла из Парижа адмиральша Гвоздева.

– Я у их видел эти башмачки... Ай, какой красивый фасон, ваше превосходительство, ай, как аккуратно сработаны! – восхищался Исайка. – И обойдутся всего два рубля с моим товаром! – прибавил Исайка, решившись приплатить свои полтора рубля, чтобы только задобрить скупую адмиральшу и отклонить ее внимание от спасения его грешной души.

Адмиральша благосклонно приняла предложение и расспросила Исайку в подробностях о заграничных башмаках адмиральши Гвоздевой, и Исайка думал было окончательно откланяться, пообещав постараться над башмаками и доставить их через пять дней, как адмиральша просила:

– Что ж ты, Исайка, на мой вопрос не ответил? Хочешь ты креститься?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.